Норманизм vs анти-норманизм: как дойти до продуктивной дискуссии?

Алексей Романчук

По мнению автора, за последний год дискуссия «норманистов» и «антинорманистов» приобрела еще большее ожесточение. И в определенной степени она сегодня идет по кругу. Как же дойти до продуктивной дискуссии? Единственный вариант разумной стратегии – это «цивилизовать» эту дискуссию, систематически вводить ее в научные рамки. И добиваться (терпеливо и последовательно) того, чтобы стороны не игнорировали аргументы друг друга. С этой целью автор попытался указать на ключевые моменты существующего взаимонепонимания. А также предложить к обсуждению и некоторые новые вопросы.

Читайте также ниже, в разделе «Мнения экспертов» комментарий проф. Л.С.Клейна «Ответ антинорманисту от не-нормaниста»

Спор норманистов и анти-норманистов привлекал мое внимание еще в студенческие годы – и постоянный интерес к нему сохранился у меня и позднее. В процессе же работы над рецензией на первый том «Российского Археологического Ежегодника» (Романчук 2012) я углубился в этот спор до такой степени, что мне захотелось высказать свои соображения в отдельном тексте.

В результате была написана большая статья «Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны», опубликованная в краткой (Романчук 2013) и полной (Романчук 2013а) версиях. Затем, в прошлом году вышли две мои новые статьи по варяго-русской проблеме (Романчук 2014; 2014а). Есть у меня (и в настоящее время я над ними работаю) наметки и по дальнейшему развитию некоторых из затронутых ранее вопросов.

Однако в нижеследующем тексте я, хотя и коснусь кое-каких из своих свежих наработок, основное внимание вынужден вновь обратить на базовые проблемы дискуссии норманистов и анти-норманистов. Стараясь при этом все же не повторять (или в минимальной и абсолютно необходимой степени повторять) уже сказанное мной ранее.

Причиной такой необходимости служит то, что за последний год дискуссия норманистов и анти-норманистов приобрела, как мне кажется, еще большее ожесточение. И, вынужден отметить, что в определенной степени она сегодня идет по кругу.

С одной стороны, появился новый журнал «Исторический формат» – в котором печатается много статей анти-норманистов. И среди них, наряду с вполне качественными и весьма интересными (в частности: (Меркулов 2015)), я должен отметить и весьма слабые в научном отношении.

Имею в виду конкретно статью Л. П. Грот по поводу «урманского князя Олега» (Грот 2015).

> Никоим образом не хотел бы обидеть Л. П. Грот, но, глядя на анти-норманистские статьи подобного рода, я невольно вспоминаю старую шутку М. Б. Щукина, прозвучавшую в контексте актуального в то время в археологии спора т.н. «миграционистов» и «автохтонистов». Тогда по поводу одного археолога-мигрциониста он сказал: «лучше бы он был автохтонистом». По поводу некоторых анти-норманистов мне нередко хочется повторить то же самое: лучше бы они были норманистами. Когда Л. П. Грот пишет о Рудбеке и «рудбекианстве», или о П. Петрее – это звучит вполне убедительно (хотя, должен заметить, я далек и от той, и от другой проблематики и не могу ручаться за точность Л. П. Грот в деталях). В контексте варяго-русской дискуссии заслуживают внимания, полагаю, и ее переложения современной шведской историографии по поводу средневекового шведского политогенеза. Но когда Л. П. Грот начинает писать собственно о варягах – научность ее статей часто падает почти до нуля. Вместе с тем, я должен отметить, что при всей научной слабости (еще раз повторю) и неакадемичности статей Л. П. Грот на собственно варяжскую тему, в них мелькают и весьма интересные наблюдения – которые, как мне кажется, нельзя просто выбросить. Они, полагаю, требуют дальнейшего обсуждения.

Статья эта выдержана в резко конфронтационном по отношению к оппонентам-норманистам духе, весьма неакадемична и по стилю, и по содержанию. И изобилует совершенно неприемлемыми пассажами типа: «оставим эти бесплодные рассуждения, поскольку норманизм источников не предъявляет, а декларирует и затем доводит читателей до томления многократным повторением своих умозрительных сентенций» (Грот 2015: 37). Кроме того, она (как и статьи некоторых других авторов «Исторического формата»), насыщена сочувственными отсылками к работам А. А. Клесова по так называемой ДНК-генеалогии — вполне заслуженно определяемым научным сообществом как лженаучные.

> Как я уже писал: «Увы, но благодаря деятельности Клесова сегодня у широких слоев населения распространяются весьма фантастические представления об истории человечества». Что «… вынуждает меня заявить о своем категорическом несогласии с позицией и «методами» А. А. Клесова» (Романчук 2015: 12, прим. 2).

Впрочем, А.А. Клесов и сам опубликовал уже две статьи в «Историческом формате» — что для этого журнала безусловный минус.

Печально при этом, что и авторы хороших статей (в том числе и В. И. Меркулов), и редколлегия журнала — вполне терпимо отнеслись к упомянутой статье Л. П. Грот. И, видимо, не усматривают в статьях такого рода ничего ненормального.

На мой взгляд, ни анти-норманистам, ни норманистам нельзя подходить к оценке такого рода работ с позиции «привечания любых союзников». К «союзникам» в этом случае следует относиться не менее критично, чем к оппонентам.

Таким образом, если исходить из сформулированного мной тезиса о том, что «спор норманистов и антинорманистов разрешится тогда, когда они начнут слушать друг друга и вдумываться в позицию другой стороны» (Романчук 2013: 295), то вынужден с сожалением констатировать: многие анти-норманисты по-прежнему зачастую не слышат своих оппонентов.

Но, с другой стороны, в прошлом же году вышла рецензия Л. С. Клейна (2014) на мою цитированную чуть выше статью. А уже в этом – на сайте Генофонд.рф появились две рецензии О. Л. Губарева на некоторые статьи «Исторического формата».

И, характеризуя статьи (Романчук 2013; 2013а), Л. С. Клейн пишет в мой адрес: «… он делает это интересно, со знанием дела и серьезно, без раздражающих и популистских выпадов» (Клейн 2014: 337). Очень позитивно в личном общении отреагировал на мои работы и О. Л. Губарев.

Однако можно ли, глядя на упомянутые работы Л. С. Клейна и О. Л. Губарева (а также на их комментарии по этой проблеме на Генофонд.рф), сказать, что, по крайней мере, норманисты начали слышать своих оппонентов?

Увы, я вынужден ответить на этот вопрос отрицательно. Во всяком случае, ни Л. С. Клейн, ни О. Л. Губарев меня, на мой взгляд, так и не услышали.

И ниже я постараюсь это показать.

Впрочем, это на самом деле и необходимо сделать – ведь, иначе, дискуссия так и будет идти по замкнутому кругу, работая вхолостую.

Вместе с тем, я не считаю правильным и превращать этот текст в «рецензию на рецензию» (имея в виду рецензию Л. С. Клейна). Заинтересованный читатель легко сможет ознакомиться и с моими работами, и с рецензией Л. С. Клейна, и составить собственное впечатление по поводу этой дискуссии.

Поэтому здесь я хотел бы остановиться лишь на нескольких, ключевых моментах – из тех, в которых я, как мне кажется, остался не услышанным. И которые, полагаю, будут радикально препятствовать продуктивности дальнейшей дискуссии. Если же у кого-то из участников дискуссии возникнут вопросы, идентичные тем, которые задал в своей рецензии Л. С. Клейн, и которые я обойду в данном тексте – я, в ходе обсуждения, с удовольствием поясню свою позицию и по этим вопросам.

Наконец, помимо рассмотрения ключевых моментов существующего взаимонепонимания, я хотел бы в данном тексте предложить участникам дискуссии к обсуждению и некоторые новые вопросы – которые, как мне кажется, будут представлять интерес.

1. **«Никакого норманизма нет и не было»?**

Итак, начну со стартового и имеющего очень большое теоретическое значение тезиса Л. С. Клейна (специально потом развитого О. Л. Губаревым (2015)): «Никакого норманизма нет в мире, нет его и в России» (Клейн 2014: 337).

Ранее я сформулировал четкий критерий, который позволяет достаточно, на мой взгляд, точно разделять участников дискуссии на два лагеря (Романчук 2013а: 71, прим. 34). Таким критерием, на мой взгляд, очевидно является вопрос: следует ли в целом ставить знак равенства между варягами, русью и скандинавами?

Соответственно, норманисты – те, кто (невзирая на расхождения по более частным поводам) отвечает на этот вопрос утвердительно.

Анти-норманисты же – те, кто (опять-таки: при всем разнообразии позиций) отвечают на него отрицательно (отказывая в праве принадлежать к этому множеству хотя бы одному из трех перечисленных элементов).

И позволю себе напомнить, что в основе позиции и В. В. Фомина, и особенно А. Г. Кузьмина (и уж во всяком случае, и моей)

лежит именно постановка проблемы: кто такие варяги? Если для норманистов это не вопрос — варяги для них скандинавы, то А. Г. Кузьмин и В. В. Фомин более чем убедительно, на мой взгляд (Романчук 2013: 290; 2013а: 105), показывают (опираясь на работы предшественников, разумеется), что вопрос этот сложен и темен. И что значение древнерусского термина «варяги» менялось с течением времени, и сильно менялось – эволюционируя в сторону расширительного значения (вплоть до обозначения жителей Западной Европы вообще).

На скандинавов же термин «варяг» распространяется сравнительно поздно, видимо – уже в X веке.

То, что многие норманисты, и в том числе Л. С. Клейн, отказываются признавать себя норманистами — извините, никак не может служить аргументом в пользу «отсутствия норманизма». Думаю, Л. С. Клейну, как автору «Археологической типологии», это на самом деле тоже вполне очевидно.

Черепки ведь тоже себя не считают относящимися к какой-либо археологической культуре или типу. Это уже мы, в процессе классификации и типологии, их атрибутируем в таком качестве.

Аналогично, не могу согласиться и с той дихотомией, которую имплицитно (а иногда и явно) выводят из тезиса об «отсутствии норманизма» многие норманисты: есть анти-норманисты – и есть «объективные исследователи».

Такая дихотомия, мне кажется, означает, что люди сами себя записывают в «объективные исследователи» — и, де факто, априори отказывают в объективности своим оппонентам.

> Лично я всегда исхожу из позиции: пусть другие судят о моей объективности и истинности моих суждений. Думаю, норманистам (как и анти-норманистам) следует предоставить высказываться о собственной объективности\необъективности в первую очередь своим оппонентам. Разумеется, аргументировано: та же объективность – категория вполне верифицируемая, и определяется в первую очередь тем, насколько внимателен к аргументам своих оппонентов исследователь.

И, из этой же дихотомии (анти-норманисты vs «объективные исследователи») вытекает и часто озвучиваемый тезис о «бесплодности анти-норманизма» (его «бесполезности» и т.п.). Равно как, впрочем, и обратный – многие анти-норманисты не меньше любят порассуждать о «бесплодности норманизма» (разворачивая эту дихотомию под себя).

В.О.Ключевский (портрет В.В.Матэ)

Тезис же этот, будь то в исполнении норманистов, или же анти-норманистов — насквозь, на мой взгляд, неверен. Ограничусь здесь лишь одной цитатой из неопубликованной рецензии В. О. Ключевского на труд одного из виднейших норманистов XIX века — М. П. Погодина.

Итак: «По признанию самого автора в послесловии, научная разработка русской истории подвинулась значительно с тех пор, как автор стал заниматься ее изучением …. Сверстники и младшие сотрудники г. Погодина по специальности поработали над начальной нашей историей и разъяснили многое. Исследуя образование государства, автор теперь не говорит уже, как прежде, что основатели его норманны, прибыв в славянскую землю, ославянивались потом в течение шести веков, т. е. до XV в. сохраняли черты своей национальности. … Это, однако ж, не мешает автору в 3-м месте (с. 81 и сл.) утверждать, как утвержд[ал] он 20—30 лет, что Перун и Волос — норманнские боги, что поэтические предания об Олеге, Игоре, Ольге, Святославе, записанные летописцем, и даже песни о Владимировых богатырях, доселе не умолкнувшие в народе, — норманнские саги, что Русская Правда — норманнский кодекс, что слова, как *вервь, вира, гость, смерд, дума, ряд,* — остатки норманнского языка; хотя несколько раз историки, филологи и юристы доказывали противное, автор не удостаивает их даже опровержения, даже простой цитаты» (Ключевский 1983).

В данном случае я хочу обратить внимание не на заключительное предложение этого пассажа («…автор не удостаивает их даже опровержения, даже простой цитаты») – хотя оно очень симптоматично, и показывает, что взаимная «глухота» сторон родилась не сегодня. Нет, я хочу подчеркнуть, что здесь великолепнейшим образом показано как значение анти-норманизма для развития норманизма – так и наоборот. Только благодаря непрестанному и жесткому спору друг с другом в течение трех веков (начиная с Ломоносова и Миллера) – и норманизм, и анти-норманизм отказались от множества (и весьма значимых – вплоть до фундаментальных) своих заблуждений.

> Не могу здесь также не возразить и прекрасной статье С. В. Томсинского (2014) — «Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги». В ней автор утверждает: «… мы, возможно, перестанем утешать себя надеждами на плодотворный диалог между «лучшими представителями» (интересно, кто там «лучший» и кто — «так себе», и по каким критериям?) норманистов и антинорманистов «в поисках истины» (Романчук 2013: 294), ибо новый всплеск полемики убеждает только в одном: обе стороны ищут истину в строго и заранее определенной системе координат; следовательно, и те, и другие уже давно убедили себя в том, *что есть истина*» (Томсинский 2014: 358). Во-первых, где бы обе стороны ни «искали истину» — они все же вынуждены реагировать друг на друга. И если мы сравним, например, работы В. В. Фомина с работами А. Г. Кузьмина (особенно более ранними) – мы увидим отчетливое приращение доказательной базы. Особенно это касается археологии, но и письменных источников: В. В. Фомин ввел в научный оборот обнаруженное им в шведских архивах письмо Ивана Грозного королю Юхану (где царь, в частности, прямо пишет, что варяги были «немцами»); В. И. Меркулов начал, наконец, реальное исследование мекленбургской генеалогии и тоже вводит в оборот новые источники. Во-вторых, и самых главных: в центре полемики норманистов и анти-норманистов стоят действительно фундаментальные вопросы – ответ на которые критически необходим. Необходим, для того, чтобы исторической науке разобраться: что же именно происходило на обширных пространствах Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. Хотим мы или не хотим, мы будем и далее себя спрашивать: кто же такие варяги, и откуда пошла Русь? И ответы неизбежно будут различаться – в том числе в силу сложности самих вопросов. Но сложность этих вопросов не означает, что мы можем позволить себе пытаться на них не отвечать. И тем более, закрывать дискуссию в одностороннем порядке – будь то со стороны норманистов, или же анти-норманистов.

Хотя, впрочем, и с той и с другой стороны они порой мелькают и сегодня.

Так что, я не могу согласиться и с тем, что спор между норманистами и анти-норманистами является не научным, а политическим.

Да, спор этот, безусловно, политизирован и все более политизируется – но в своей основе это, также безусловно, именно научный спор. Он был научен во времена Ломоносова и Миллера – когда они пытались решать его на уровне науки своего времени. И он остается научным сегодня, когда наши, весьма возросшие возможности, позволяют пытаться его разрешить на совершенно ином уровне.

> Что же касается причин политизированности этого спора, то и здесь причины, на мой взгляд, много глубже, чем это обычно предполагают норманисты. В том числе, не стоит упускать из виду и момент, на который обратил внимание С. В. Томсинский: «… поэтический манифест направления, созданный В. П. Петренко, называется, как известно, «*Гимн оголтелого норманизма*», и нет никаких оснований усматривать в этом названии иронию» (Томсинский 2014: 361). Да, не стоит — вне зависимости от того, насколько С. В. Томсинский прав во второй части предложения. Многое можно сказать и по поводу тезиса: «…противостояния норманизма и антинорманизма не существует нигде, кроме России, и поддержка антинорманизма нынешней властью России (министр культуры В. Р. Мединский и др.) говорит о том, что вся программа антинорманизма зиждется на национальном комплексе неполноценности и униженности, корни которого отнюдь не в глубокой истории, а в отставании России, которое в тех или иных формах чувствуется с петровского времени» (Клейн 2014: 337). Такая позиция упускает из виду, например, что в нынешнем, 2015 году, премию со стороны Министерства образования и науки РФ в качестве «Лучшего печатного СМИ о науке» получила газета «Троицкий вариант – Наука» — которая весьма жестко и упорно критиковала нынешний российский анти-норманнизм (в частности, и устами Л. С. Клейна). И что помимо «шизопатриотов» (очень удачный термин), в России активно существует и категория радикальных «либералов» (без кавычек здесь, на мой взгляд, нельзя) — не менее

фундаменталистских и жестких по своим политическим взглядам. А если кто думает, что на Западе сегодня мало своих «певцов оголтелости» (и притом среди истеблишмента), и что это не сказывается на науке – то он жестоко заблуждается. Вообще, глядя на эти «оба дома», я невольно вспоминаю великолепную фразу С. Довлатова: «Советский… Анти-советский… Какая разница?!». Список того, что упускается здесь из виду, можно существенно продолжить, но формат данной статьи сдерживает меня. Впрочем, если читатели захотят, это можно будет сделать и в ходе обсуждения. Пока же могу лишь указать на две свои работы (Романчук 2013b; Романчук, в печати) – в которых я изложил достаточно многое из своей позиции по этому вопросу. Вторая из этих работ написана специально для очередного выпуска ежегодника «Системный мониторинг глобальных и региональных рисков»; черновик – здесь: https://www.academia.edu/15513387/

Впрочем, думаю, по этому вопросу достаточно. Перейдем к следующему – и представляющему собой ключевой.

2. **Германское – не значит обязательно скандинавское.**

Итак, излагая уже собственно мою позицию, Л. С. Клейн пишет: «Он начинает с доказательств того, что керамика Северо-Западной Руси — южно-балтийского происхождения, но (3) вынужден добавить, что не только западнославянского (лехитского), но также и фризского, то есть германского» (Клейн 2014: 336).

Увы, уже здесь начинается фундаментальное непонимание моей позиции.

Потому что я здесь не «вынужден добавить». Равно как неверно, что «А. Г. Кузьмин делал оговорку-уступку: «население Юго-Западной Балтики в раннем средневековье есть результат славянизации весьма сложного в этническом отношении населения — “народов между кельтами и германцами”» — с афоризмом: “Русь первоначально всюду была неславянской”» (Клейн 2014: 341).

Наоборот: на мой взгляд, это и есть одно из центральных положений концепции А. Г. Кузьмина.

И уж совершенно точно – это центральное положение моей позиции.

Вынужден привести достаточно обширную цитату.

Итак: «…необходимо обратить внимание на, пожалуй, главное сегодня препятствие к продуктивной дискуссии — упорное стремление оппонентов игнорировать ключевой тезис «южнобалтийской» гипотезы: *население Юго-Западной Балтики в раннем средневековье есть результат славянизации весьма сложного в этническом отношении населения — «народов между кельтами и германцами»***.** Именно этим субстратом, по мнению «южнобалтийской» гипотезы, и объясняется основная масса неславянских черт *варягов* и варяжской *руси*. Как неоднократно заявлял (но так и не был услышан оппонентами) А. Г. Кузьмин: «Русь первоначально всюду была неславянской».

Безусловно, что такая постановка вопроса требует от оппонентов в обязательном порядке рассмотрения всей варяго-русской проблематики (имен, «русских» названий порогов, деталей погребального обряда и т. д.), не только в скандинавском контексте, но и, как минимум, общегерманском — на чем, собственно, и настаивал А. Г. Кузьмин» (Романчук 2013: 289).

И, на этой же странице, выделенное жирным шрифтом (а в (Романчук 2013a: 104) – прописными буквами): ГЕРМАНСКОЕ — НЕ ЗНАЧИТ СКАНДИНАВСКОЕ.

Именно поэтому я уделил столько внимания и времени, чтобы специально, тщательно и подробно показать, что у той славянской керамики Юго-Запада Балтики, которая очень заметно проявилась (и оказала еще более значительное влияние) в землях псковских кривичей и ильменских словен – была субстратная германская подоснова. И именно поэтому же я уделил не меньше (а как бы и не больше) времени и внимания и фризам.

Потому что это «… важно». И потому, что «… и А. Г. Кузьмин, и В. В. Фомин неоднократно подчеркивали, что миграционный поток с Юго-Запада Балтики на Русь был полиэтничным, и вместе с южнобалтийскими славянами в миграции «из варяг» весьма активно участвовали, в частности, и *фризы*» (Романчук 2013: 285).

Какими же еще буквами это надо написать, чтобы оппоненты стали, наконец, замечать? И делать из этого выводы?

3. **Западногерманские влияния и южнобалтийская Система Приоритетного Взаимодействия.**

Между тем, из «незамечания» этого фундаментального тезиса южнобалтийской гипотезы, закономерно, как мне кажется,

проистекают и многие другие весьма существенные моменты взаимонепонимания.

Прежде всего, здесь необходимо остановиться на том, что якобы я исхожу «… из сугубо географического понимания Скандинавии, по которому она ограничивается полуостровом, омываемым с юга Балтийским и Северным морями и рядом примыкающих островов» (Клейн 2014: 337).

Вовсе нет: Данию (как и данов), я тоже включаю в понятие «Скандинавия».

Но, далее, Л. С. Клейн задается вопросом: «Когда сходство с Данией и всё сходится на районе Хёдебю, откуда Рорик родом, почему Романчуку приходят на ум фризы или славяне Юго-Запада Балтики? По-моему, можно сказать, что эти данные противоречат происхождению Рюрика из Швеции и ложатся на чашу весов ютландского (из данов) происхождения Рюрика — так их и восприняли Лебедев и Михайлов. И А. А. Романчук напрасно подсуетился с западными славянами» (Клейн 2014: 339).

Увы, здесь, во-первых, проявляется как раз очередное «незамечание» моей позиции. И, во-вторых, это один из примеров характерной, на мой взгляд, для современного норманизма ошибки – объяснений *ad hoc*. То есть, объяснений частных проблем, которые будучи сведены в целое, перестают работать, и начинают друг другу и имеющейся совокупности фактов радикально противоречить.

Начну с первого.

Хедебю и протогородские центры южнобалтийского побережья

Итак, говоря о погребениях, представляющих аналогию могильнику Плакун, необходимо отметить, что основная и более ранняя (примерно на сто лет ранее) группа таких погребений располагается в районе Хедебю (Хайтабу). При этом исследователи усматривают весьма точные аналогии этим погребениям в среде континентальных германцев – алеманнов, франков, тюрингов. И, далее, я писал: «погребальный обряд, и с такой высокой степенью точности, не заимствуется при простом «знакомстве» с ним. Речь, скорее, должна идти и о проникновении каких-то групп континентальных германцев или фризов в район Хедебю, и достаточно длительном сохранении ими своей самобытности.

Далее, Хедебю — это не столько «датско-франкское пограничье», сколько «датско-вагрско-ободритское». Восточная часть Шлезвиг-Гольштейна — это, собственно, Вагрия» (Романчук 2013: 288).

Надо заметить, что фризские диалекты ранее распространялись «… до южной Дании, заходя немного севернее современной границы между Германией и Данией …)» (Берков 2001: 25). В результате, на юге Ютландии возникла «южнодатско-северофризско-нижненемецкая контактная зона» (Кузьменко 2011: 43).

Адам Бременский указывал: «Первая [от нас] область Дании называется Ютландия и простирается к северу от Эйдера на три дня пути, если повернуть в сторону острова Фюн. Если же мерять ее по прямой дороге от Шлезвига до Алабурга, то путь составит пять-семь дней…до… Вендиле. … В свое время император Оттон наложил на описываемую область дань. Он разделил ее на три епископства, установив первое из них в Шлезвиге, называемом также Хейдиба …» (**http://www.vostlit.info/Texts/rus/adam_br/frameadam_buch4.htm**).

Вендиле – это «*Wendsysel*, то есть *селение вендов*» (Гильфердинг 1855: 66).

В заслуживающей же внимания (хоть и требующей дальнейшего углубления в вопрос) работе А. Пауля приводятся выводы ряда немецких лингвистов и археологов, обосновывающих «… сохранение остатков племени англов в раннем средневековье в юго-западной части области Ангельн, вокруг Хаитабу и внутреннего залива Шлей …» (Пауль 2015: 157).

Именно с этим регионом связывали выход англов и письменные источники, и память об этом сохранялась до достаточно позднего времени. В конце X века английский хронист Этельвард сообщал: *«Старая Англия расположена между саксами и ютами и столица её на саксонском языке называется Шлезвиг, а на датском – Хаитабу»* (цит. по: Пауль 2015: 150).

В другой своей работе А. Пауль предлагает не менее интересную, но требующую дальнейших и более серьезных доказательств гипотезу. Именно, что известные «*Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*» (в его переводе: «Законы англов и варинов, они же [законы] тюрингов») относились вовсе не к территории Тюрингии (Пауль 2015а). А, будучи созданы на основе более ранних «*Lex Thuringorum*», они предназначались для территории «Ютландской Англии», которая как раз в начале IX века попадает в зависимость к Франкской империи. И где, по его предположению, была образована «Английская марка».

С другой стороны, (Романчук 2013: 285; 2013а: 78) я привел достаточно данных (археологических, исторических и лингвистических), свидетельствующих о весьма активном, на определенном этапе – даже доминирующем, включении южнобалтийских славян (и пруссов) в южнобалтийскую Систему Приоритетного Взаимодействия (см. ниже). И в том числе их интенсивном взаимодействии с фризами – вплоть до проникновения во Фрисландию, где вильцами-лютичами был основан Вильтабург-Утрехт (и где они «жили в ладу с фризами») (Гильфердинг 1855: 66-69).

Так что, речь идет вовсе не о Дании в целом – и вовсе не о данах.

> И даже процентное соотношение типов мечей (на которое здесь лишь и обращает внимание Л. С. Клейн (2014: 339): «А. А. Романчук использовал наблюдение Ф. Андрощука, что процентное соотношение мечей эпохи викингов на Руси сильно отличается от Швеции и Норвегии и очень близко Дании»), сближает Северо-Запад Руси не только с Данией. Но и с территорией Германии (хоть и не так выражено).

Более того.

В (Романчук 2013; 2013а), а затем (Романчук 2014а), я уделил очень много внимания тому, чтобы показать четко устанавливаемый археологами факт существенного влияния со стороны континентальных германцев (прежде всего района Тюрингии и Нижнего Рейна, фризов) на южное побережье Балтики и далее бассейн Балтийского моря. Влияние это осуществлялось в рамках (по предложенному мной термину) сформировавшейся уже к I веку н. э. Системы Приоритетного Взаимодействия – своего рода «южнобалтийской дуге» (Романчук 2013а: 71-81; Романчук 2014а: 350-353).

Как указывал П. В. Шувалов: «весь регион Балто-Скандии распадается на два субрегиона: “скандинавский” (Дания, Норвегия, Швеция) и “балтийский” (Восточная Пруссия, Прибалтика, Финляндия, Борнхольм, Эланд, Готланд)» (Шувалов 2004: 81-82). Этот вывод, и с еще большей степенью очевидности, следует и из свежей и весьма основательной монографии М. М. Казанского (Казанский 2010).

С результатами археологии очень хорошо коррелируют и представленные мной по этому поводу выводы лингвистов (Романчук 2013а: 79-80).

Это и убедительное (и очень высоко оцененное В. Н. Топоровым) обоснование О. Н. Трубачевым связи этнонимов *пруссы* и *фризы.* И отмеченная им же балтская топонимика на –sedja, обнаруживающая «полное сходство» с западногерманской на –

setja. И вообще «ранние следы западных германцев, в частности ингвеонов, на восточных и юго-восточных берегах Балтики», а также латышское название эстонцев — «igauni как отражение германского Ing(u)aeveones (мысль В. М. Иллича-Свитыча)» (Трубачев 2005: 18).

И, наконец, прусское *витинг* – при фризском *witsing* (Фасмер 1986: 323).

Кстати, и праславянское *витязь* проявляет наибольшую близость именно к фризской и прусской формам. Причем, при таком варианте этимологии (и балтском посредничестве) не требуется объяснять праславянское *t* (вместо ожидаемого *c* из германского *k* – при этимологизации из *vikingr*) как результат диссимиляции (Фасмер 1986: 323; ЕСУМ 1: 385).

> В качестве еще одного вопроса, представляющего, как мне кажется, интерес для обсуждения, хотел бы предложить здесь результаты недавней работы В. В. Тарасова, предложившего балтскую этимологию «росских» названий днепровских порогов. Итак, вот его основные выводы: «1. В Юго-Восточной Балтии встречаются топонимы, сходные с «росскими» названиями днепровских порогов. При этом корни *ùp-, *gėl-, *gil-, *uol-, *várž- / *varz- относятся к числу наиболее распространенных в балтской гидронимии. 2. Следует отметить и ряд структурных параллелей: корень *ùp- выступает типично вторым компонентом балтских гидронимов (ср. Эссупи), корни *gėl- и *gil — типично первым (ср. Геландри); наличие в балтской топонимике словообразовательной модели апеллятив + суф. -ant- / -and- (ср. Геландри, Леанди)» (Тарасов 2010: 62). И, в частности, «самая близкая аналогия «росскому» Эссупи — гидроним Ẽsupis в Плунгеском районе Литвы. Он восходит к самому распространенному в восточнобалтской гидронимии термину ùpe˙ — «река» (Тарасов 2010: 60).

К сказанному ранее я хотел бы здесь еще кое-что добавить – предлагая к обсуждению.

А именно, обратить внимание на тот факт, что прослеживается очень сильное западногерманское влияние на ономастикон старших рунических надписей. Как отмечал достаточно давно один из крупнейших специалистов по этой проблеме, Э. А. Макаев (сегодня в западной науке наблюдается ренессанс интереса к его работе; в конце 90-х она была переведена на английский язык), «… большое значение рунической ономастики в значительной мере обусловлено тем обстоятельством, что известный ее слой находит себе соответствие в более или менее хорошо засвидетельствованных западногерманских именах собственных, но в то же время не имеет ясных параллелей в древнескандинавской ономастике» (Макаев 2002: 69).

По подсчетам К. Марстрандера, речь шла о 23% имен, находящих объяснение в скандинавском, и 56% — в западногерманском. Более поздние находки старшерунических надписей, известные Э. А. Макаеву к моменту публикации его монографии, подтверждали эту закономерность.

Поэтому, писал Э. А. Макаев, «… не приходится отрицать, что всё же существует известный разрыв между определенным слоем рунических имён собственных и древнескандинавскими именами и что данный слой получает наиболее убедительное объяснение лишь в том случае, если допустить значительное западногерманское влияние» (Макаев 2002: 72).

> Кстати, в свете этих данных я склонен несколько иначе смотреть и на мнение историков начала прошлого века об основании Бирки фризами (Романчук 2013а: 98). Именно, мне кажется, что и этот вопрос сегодня снова достоин обсуждения (см. также: Жлуктенко, Двухжилов 1984: 2). Разумеется, не впадая в своего рода «пан-фризизм» (да простится мне этот термин), все же стоит прояснить, какую роль играли фризы в Бирке (а, возможно, и действительно в ее основании).

В свете всего этого, я, во-первых, хочу напомнить, что А. Г. Кузьмин, возражая против скандинавского происхождения «варяжских имен», краеугольным камнем своей позиции обозначал то, что в самой Скандинавии эти имена (те из них, которые там все же обнаруживаются) редки и сами нуждаются в объяснении. И что большинству этих имен мы видим ближайшие, значительно более распространенные и более ранние параллели в континентально-германской и кельтской среде.

Это относится и к имени *Рюрик*.

Поход Олега на Царьград. Миниатюра Радзивилловской летописи

Имя *Олег* же, по результатам крайне интересного исследования Е. А. Мельниковой, своим происхождением, видимо, связано с англо-ютским субстратом Юго-Запада Балтики.

«Личное имя Хельги/Хельга в дохристианское время имеет специфическое распространение: оно отмечается, прежде всего, в именослове Скьёльдунгов — легендарной династии правителей о. Зеландия» (Мельникова 2005: 140-141). Но при этом в датских генеалогиях «не упомянут ни один Хельги» (Мельникова 2005: прим. 17). Зато это имя «впервые упоминается в англо-саксонских поэмах «Видсид» (VIII в.) и «Беовульф» (VIII в.) как *Halga*» (Мельникова 2005: 140)

Во-вторых, действительно, если обратиться к базам данных по скандинавскому именослову (Petersen 2001; Мельникова 2004), то, насколько я могу судить, степень его пересечения с варяжскими именами Древней Руси крайне незначительна. И даже в тех случаях, когда такие пересечения обнаруживаются, речь часто идет об именах, редких в самой Скандинавии и обнаруживающих широкие и более ранние общегерманские параллели.

В-третьих, напомню, что по результатам очень интересной работы С. Л. Николаева, в «… составе «варяжских» имен выделяется основная группа, отражающая фонетику ранее не известного науке раннесредневекового восточно-северогерманского диалекта… Фонетика

этого языка по ряду признаков заметно отличается от фонетики древнедатского, древнешведского и древнесеверного (древненорвежского и древнеисландского) языков. Отделение… от прасеверогерманского предпочтительно отнести к V—VI вв.» (Николаев 2012: 402).

Исходная форма для имени *Олег*, по реконструкции С. Л. Николаева, должна была звучать как *Элиг* (а отнюдь не *Хельги*).

И, с учетом всего этого, хочу еще раз акцентировать, что мне представляется крайне интересной идея А. Г. Кузьмина о размещении «Руси Олега и Игоря» (в отличие от «Руси Рюрика с братьями») на территории нынешней Эстонии (а, возможно – и Ингрии-Ижоры) (Романчук 2013: 294).

4 Объяснения *ad hoc* в современном норманизме и их критические противоречия.

Перейдем к проблеме объяснений *ad hoc* в современном норманизме.

Одно из них связано как раз с вышеотмеченной проблемой ютландского происхождения Рюрика.

Суть проблемы ведь заключается не в том, что (как формулирует Л. С. Клейн), имеющиеся данные лишь «противоречат происхождению Рюрика из Швеции». Суть проблемы в том, что краеугольным камнем норманистской гипотезы является предположении о происхождении этнонима *русь* из финского обозначения шведов – *руотси*. И, соответственно, решающей роли именно шведских викингов в становлении древнерусского государства.

При этом полагается, что археологические данные – «скандинавские находки на Руси», — поддерживают лингвистическую гипотезу «шведского» происхождения этнонима *русь*.

Между тем, на мой взгляд, ни археологические, ни исторические данные предположения о решающей роли шведских (точнее – свейских) викингов в формировании Руси не поддерживают (Романчук 2013а: 97).

В дополнение к уже сказанному повторю лишь, что «саги, предельно внимательные к генеалогиям, не знают предков «конунга Вальдамара» и величают его «Вальдамаром Старым» (ср. «Один Старый» — прародитель скандинавских богов)» (Джаксон 2008: 203). И что еще «Ф. А. Браун обратил внимание, что шведские источники почти полностью игнорируют русскую историю» (Мельникова 2001: 41).

Л. С. Клейн, как и ранее, объясняет первое тем, что «чтобы слагались саги, нужна не просто связь между восточнославянской землей и Исландией, но и чтобы вернулись из похода певцы, слагавшие саги, и викинги, которых стоило прославлять. А массы воинов, «вся Русь», осели на Волхове и Днепре или погибли под стенами Миклагарда (Константинополя)» (Клейн 2014: 340). И что и Рорика Ютландского – реального исторического персонажа и «возможного прототипа» летописного Рюрика, саги тоже не знают. Да и русские былины «тоже знают дохристианскую историю Древней Руси очень смутно».

Однако, во-первых, саги и былины – источники, как хорошо известно, принципиально разного характера. Рорик Ютландский же – именно «возможный», точнее – предполагаемый некоторыми норманистами прототип Рюрика. И то, что он все же не попал в саги – свидетельствует, на мой взгляд, против такой версии. Потому что в противном случае, как справедливо было многими исследователями замечено, он точно попал бы в них – слишком уж грандиозное деяние было бы связано с его именем. И скандинавы имели бы к этому прямое отношение.

Что же касается первого объяснения Л. С. Клейна, то поясню еще раз, почему оно мне представляется невероятным. По письменным источникам – русским летописям, мы видим именно наличие длительной предыстории и широких, устойчивых связей словен и кривичей с «варяжским заморьем» — до призвания Рюрика. Варяги взимали дань, были изгнаны – и затем уж был призван Рюрик. От призвания Рюрика и до похода Олега на Константинополь тоже прошло около полувека.

Все это время очевидно существовали устойчивые связи новгород-псковских земель – и «варяжского заморья» (чуть ниже я скажу об этом подробнее). Однако также очевидно, что это были связи не со свеями (впрочем, как мы видели выше – и не с данами).

Соответственно, в этой ситуации, даже если на миг допустить, что находки с Юго-Запада Балтики связаны с данами – эти находки никак не могут использоваться в качестве доказательств «шведской части» норманистской гипотезы.

Восточная Европа в эпоху возникновения Древнерусского государства

Но они именно в таком качестве используются – и это и создает одно из фундаментальных противоречий норманистской гипотезы. Объяснение *ad hoc* (Рорик Ютландский) перестает «объяснять», когда мы смотрим на норманистскую гипотезу целиком.

Еще одно из объяснений *ad hoc* конструируется применительно к вопросу о (предполагаемом норманистской гипотезой) статусе и количестве норманнов на Руси.

Прежде всего замечу, что когда Л. С. Клейн останавливается на вопросе о количестве норманнских древностей на Руси (которые по-прежнему считает «обильными»), он приводит здесь аргументы из своих более ранних работ, а также аргументы Э. Ю. Жарнова, И. Янссона и А. Стальсберг.

Дело, однако, в том, что все эти аргументы я уже тщательно рассмотрел – и показал, почему я с ними не согласен (Романчук 2013: 277-289; 2013а: 88-101). Вряд ли можно считать адекватным ответом простое их повторение.

Здесь нет никакой возможности (да и необходимости) воспроизводить всю систему моих доказательств по этому поводу. Но остановлюсь на ключевых моментах.

Прежде всего, не могу согласиться с предлагаемой Л. С. Клейном методологической установкой: «нужно отсеять все этнически неопределенные погребения (то есть, подавляющее большинство). А от оставшихся, если выборка даст процентов

этак 1—2, это мало, а если 10—20 — это уже очень существенно» (Клейн 2014: 338). Именно, потому, что малоинвентарность и безинвентарность (которая и является основной причиной отнесения погребений к этнически неопределенным) – это признак погребений именно бедного, рядового населения.

> Не буду уж говорить, что, учитывая характерную бедность керамического и вещевого комплекса славянских культур раннего средневековья, действительно можно ставить вопрос и о том, не является ли этот признак в данном случае индикатором именно славянских погребений.

Между тем, далее Л. С. Клейн указывает: «…главный контингент норманнов, прибывавших на славянские и финно-угорские земли — викинги. В их сопровождении прибывали на освоенные территории и супруги конунгов, а также военные подруги их приближенных — «валькирии» … то есть верхний и средний слои женской части общества» (Клейн 2014: 339).

Однако отсюда со всей очевидностью следует, что среди бедных, этнически неопределенных погребений нам не следует ждать скандинавских. И получаемый норманистами таким методом показатель удельного веса норманнов на Руси никак не может быть экстраполирован на городские (принимая во внимание тезис-поправку Л. С. Клейна об отсутствии норманнов среди сельского населения) дружинные могильники в целом.

Давайте для себя этот момент зафиксируем.

То есть, либо мы принимаем точку зрения Л. С. Клейна – и видим норманнов лишь среди военной элиты, причем преимущественно ее высших слоев, и тогда нам нечего ждать обнаружения норманнов среди бедных погребений. Либо, мы все же считаем норманнов на Руси более обширной и социально неоднородной группой («модель колонистов»; к ней, как я указывал, в итоге тяготеет даже Анне Стальсберг – исследователь действительно весьма осторожный) – что очевидно вытекает из попыток искать норманнов среди бедных, рядовых погребений.

Потому что, как я писал, норманнисты незаметно для себя прибегают и здесь к объяснениям *ad hoc* – трактуя, в зависимости от актуальной необходимости, социальный состав норманнов на Руси то так, то эдак.

Однако проблема здесь еще глубже.

Дело в том, что если мы согласимся с подсчетами А. Стальсберг и Л. С. Клейна (10-14%), и уж тем более – Э. Ю. Жарнова и И. Янссона (40-50%) доли норманнов среди городского населения Ладоги, Гнездова и Тимерева, то, как я писал, мы оказываемся перед неразрешимой проблемой.

Именно: если бы скандинавы действительно составляли столь значительный процент городского населения этих центров, и притом городскую элиту (а даже 10% — в этом случае уже очень много), то Ладога, Гнездово и Тимерево были бы скандинавскими городами. Вектор ассимиляции шел бы в обратном направлении, и местное славянское и финно-угорское население само бы скандинавизировалось.

У нас так много исторических примеров подобного рода (когда доминирующее меньшинство не ассимилируется, а ассимилирует), что сомневаться в этом выводе не приходится.

Поэтому, возникает вопрос, заданный еще С. А. Гедеоновым, и на который у норманизма до сих пор нет ответа.

А именно: каким образом норманны, составляя столь значительную часть элиты общества, и прежде всего ее высшего слоя, не только не навязали хотя бы древнерусской элите почитания своих богов, своего языка, имен и т. д., но даже и не оставили тут сколь-нибудь заметного следа? И, практически мгновенно ассимилировались?

Это тем более верно, если говорить именно о «силовом» варианте «призвания варягов» (кстати, здесь норманнистам тоже следует определиться – и не прибегать к объяснениям *ad hoc*). Но даже если варяги были именно призваны «по договору», и представляли собой всего лишь наемников на службе у раннесредневековых восточнославянских политий — принцип «начальник тянет за собой родственников и друзей» представляет политологическую универсалию. Любая власть стремится окружать себя людьми, в которых она уверена. И для архаических обществ таковыми полагались в первую очередь именно кровные родственники.

Хороший наглядный пример, своего рода эксперимент представляет собой Россия после Петра. Бирон стал временщиком, и сколько Биронов сразу оказалось на русской службе?

А какой след оставили призванные Петром на службу иностранцы?

Причем, ведь доля выходцев из Европы даже среди управленческой и культурной элиты Российской империи не достигала не

то, что 10% — но вряд ли и 1%. И они быстро ассимилировались и обрусевали. Но давайте посмотрим списки офицеров русской эскадры при Цусиме — и мы увидим их отчетливый и очень значительный след даже двести лет спустя.

Поэтому, увы: попытки норманистов повысить предполагаемую ими долю скандинавов на Руси (на мой взгляд – неубедительные) не только не помогают норманистской гипотезе – но и создают для нее очередное неустранимое фундаментальное противоречие.

5. **Южнобалтийская керамика в новгород-псковских землях и варяги.**

Отдельно необходимо остановиться также на, действительно, одном из ключевых вопросов – южнобалтийской керамике в новгород-псковских землях.

Л. С. Клейн формулирует целый ряд вопросов в ее отношении – и сомневается в ее связи с варягами. В самом сжатом виде: «керамика из разных мест западнославянского ареала, и в Северо-Западной Руси она оказывается на разных участках. … она вся гончарная … Значит, свидетельствует она не о массовой передвижке населения, а о прибытии с запада отдельных мастеров-ремесленников из разных мест западнославянского мира (не только с побережья и не только славянских, но и фризских) … Датируется она, в основном, X веком, когда на западных славян началось особенно сильное давление германских войск, и ремесленники потянулись в более безопасные места. Варяги тут ни при чем» (Клейн 2014: 340).

Поэтому тезисно изложу здесь основное из того, что уже говорил – акцентируя именно моменты, отвечающие на вопросы Л. С. Клейна.

Южнобалтийская керамика

Прежде всего, эта керамика отнюдь не «из разных мест западнославянского ареала» — а именно с Юго-Запада Балтики и (торновская керамика) прилегающих к нему с юга сербо-лужицких земель (собственно, в широком смысле — это тоже Юго-Запад Балтики). И мне здесь непонятно недоумение Л. С. Клейна по поводу торновской керамики. Потому что, во-первых, я специально подчеркнул: «Хотел бы также обратить внимание, что одна из рассматриваемых в данном контексте разновидностей южнобалтийской раннегончарной керамики — торновская … происходит, собственно говоря, не с Юго-Запада Балтики, а из сербо-лужицких земель» (Романчук 2013: 284). Во-вторых, попадала торновская керамика на Русь тоже именно через Юго-Запад Балтики – и в рамках единого миграционного потока.

Далее, по общему мнению крупнейших специалистов в этом вопросе, южнобалтийская керамика для Северо-Запада Руси маркирует именно переселение достаточно значительных групп с Юго-Запада Балтики, из «больших городищ в районах Мекленбурга и Бранденбурга» начиная с середины IX в. (Горюнова, Плохов 2011: 271).

То, что она гончарная – в данном случае ничего не меняет, потому что речь идет именно о местном, в Новгороде, Пскове и ряде других центров новгород-псковского региона, производстве этой керамики. То есть, как признает и сам Л. С. Клейн, переселении людей, мастеров.

Масштаб этого переселения явно был очень значителен – поскольку две из локальных традиций Юго-Запада Балтики, фрезендорфская и гросс-раденская, дали в Новгороде и Пскове местные производные, которые составили 10-11% керамического ансамбля.

При этом специалисты действительно согласны, что причиной переселения стало военное давление с запада. Но, совершенно очевидно, что бежали и переселялись не только гончары – но и представители других ремесел (и не только ремесленники вообще). И действительно, у нас есть отчетливые следы влияния с Юго-Запада Балтики, например, и в кожевенном производстве Новгорода. И, для более раннего времени, наблюдается строительство укреплений в регионе (городище Любша и др.), которые очевидно демонстрируют фортификационную традицию именно Юго-Запада Балтики.

> Отмечу также, что в своих работах я сознательно оставил «за скобками» тоже более раннюю (и еще более массовую – до 50% и более (в Поволховье и Северном Приильменье)) лепную керамику т.н. «ладожского типа». И не стал ее использовать в качестве еще одного, и очень веского аргумента крупномасштабной миграции населения с Юго-Запада Балтики — поскольку здесь между специалистами нет пока согласия. Но я внимательно этот вопрос проанализировал (Романчук 2013а: 72-77), и показал (приводя новые аргументы), что мне представляется наиболее убедительной точка зрения тех исследователей (В. В. Седов, В. М. Горюнова, А. В. Плохов и др.), которые связывают ее генезис именно с Юго-Западом Балтики.

Иными словами: по данным изучения такого массового материала, каким является керамика, мы видим переселение в новгород-псковские земли значительного количества людей с Юго-Запада Балтики – региона, откуда южнобалтийская гипотеза и выводит варягов. И происходит это начиная с середины IX века – когда, по летописным данным, и произошло «призвание варягов».

Причем, согласно летописям же, сообщается, что новгородцы происходят «от рода варяжска, преже бо беша словене».

Далее, фрезендорфская керамическая традиция своим происхождением связана именно с островом Рюген – который южнобалтийская гипотеза также традиционно считала основной исходной зоной миграции *варягов-руси*.

Как же варяги здесь не при чем?

Л. С. Клейн в качестве контр-аргумента пытается здесь предложить суженное понимание исходного региона миграции варягов – якобы, южнобалтийская гипотеза считает таковым лишь Вагрию.

> Кстати, замечу, что фрезендорфская керамика представлена и в Вагрии.

Однако, это не так – южнобалтийская гипотеза в формулировке А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина (и уж точно – в моей) всегда рассматривала в таком качестве именно Юго-Запад Балтики (притом в широком смысле слова) в целом. И, как было сказано выше, настаивала на полиэтничном характере (включая и фризов) этого миграционного потока.

В контексте этой проблемы крайне важно учесть и такой ценнейший, и совсем недавно введенный В. И. Меркуловым в научный оборот источник, как отображение первых шести поколений династии герцогов Мекленбургских (восходящей к последним ободритским князьям — Никлоту и Прибыславу) на витражном окне Доберанского монастыря – усыпальницы династии.

Создание этого витражного окна датируется первой половиной XIV века – то есть, перед нами аутентичный и достаточно ранний источник.

Так вот, «в Доберанской генеалогии Никлот и Прибыслав указаны как Rex Wagirorum, то есть «вагрийские короли». По всей видимости, это указание оказывается тождественным Rex Wairensium (по Гельмольду)» (Меркулов 2011).

То есть, «Доберанская генеалогия» свидетельствует, что в расширительном значении понятие Вагрия-Вария оказывалось тождественным политии ободритов в целом.

Крупномасштабная миграция с Юго-Запада Балтики проявляется, на мой взгляд, и по данным лингвистики и физической антропологии (Романчук 2013а: 82-87, 103-104; Романчук 2014; 2014а).

Формат данной статьи не позволяет сколь-нибудь достаточно остановиться на сделанных в этих работах выводах, поэтому я надеюсь, что заинтересованные читатели смогут с ними ознакомиться (статьи доступны здесь: https://moldo.academia.edu/) – и я буду рад по мере возможности ответить на возникающие вопросы.

> Вынужден отметить еще один момент. Именно, Л. С. Клейн пишет: «он специально останавливается на происхождении новгородцев от южнобалтийских славян на основе лингвистических исследований акад. А. А. Зализняка. Правда, при этом ему приходится, не будучи лингвистом, как-то справляться с языковедами-критиками. Поскольку получается это не очень победоносно, он (5) привлекает на помощь антропологические данные». И, здесь же: «даже на юге Руси заметен германский вклад (в могильниках, подозреваемых на «норманнскость»), что А. А. Романчук тут даже не сформулировал, а вот что он не преминул заметить — это что антропологический тип славян Юго-Запада Балтики очень близок германцам» (Клейн 2014: 336). Во-первых, «германский вклад на юге Руси» я именно заметил (Романчук 2013: 289, последний абзац первой колонки текста). Но главное здесь другое: краеугольным камнем антропологического аспекта проблемы является, на мой взгляд, опять-таки необходимость отличать вообще германское – от специфически скандинавского. Именно на этой же странице я сформулировал и представленный выше тезис: **германское – не значит обязательно скандинавское**. В прекрасной же работе С. Л. Санкиной получены чрезвычайно интересные выводы – но говоря о «германском комплексе» для серий с территории Руси, она автоматически понимает его как скандинавский. Однако, полученные ею результаты не позволяют делать такую экстраполяцию. Вот что я писал: «… сама С. Л. Санкина показала особую близость славян Юго-Запада Балтики к германскому комплексу … в свете южнобалтийской гипотезы закономерен вопрос: а насколько серии с территории Руси, демонстрирующие «германский комплекс» — скандинавские? Кстати, на это уже обратили внимание ранее и другие исследователи: «почему «скандинавам» Северо-Запада и Белозерья ближе всего не скандинавы Швеции или Норвегии (что было бы логично!), а раннесредневековое население Германии VI—VIII вв.?» (Балановская и др. 2011: 53). То есть, и в данном случае «скандинавскость» на поверку адресует нас к Юго-Западу Балтики» (Романчук 2013: 289). Если же говорить о причинах моего обращения к антропологическим (равно как и лингвистическим) данным, то они весьма прозаичны: варяго-русская проблема давно является междисциплинарной. И очень весомым аргументом со стороны анти-норманнистов долгое время служили именно данные антропологии – конкретно, выводы Т. И. Алексеевой. Однако С. Л. Санкина как раз и оспорила выводы Т. И. Алексеевой. Поэтому, полагаю, с моей стороны было бы просто методологически некорректно обойти вниманием работу С. Л. Санкиной (2000). Как ни банально, но вынужден повторить: объективное исследование не может выборочно подходить к аргументации оппонентов – и замечать лишь те, которые может опровергнуть. Объективное исследование — это исследование, которое не оставляет без внимания ВСЕ аргументы оппонента. И даже в первую очередь именно те – которые особенно неудобны и трудны для возражения. Я предоставляю судить читателям, насколько моя аргументация по поводу интерпретации данных физической антропологии (равно как и данных археологии или лингвистики) в варяго-русском вопросе убедительна. Но хочу особо подчеркнуть, что если бы я не нашел контр-аргументов против выводов С. Л. Санкиной — я бы так и написал. И сказал: «вот данные, которые я пока не могу объяснить. Но с учетом иных рассмотренных мной аргументов я считаю, что их можно объяснить с позиции предлагаемой мной гипотезы, и я буду пытаться это сделать». Именно такая исследовательская позиция представляется мне единственно правильной. И, кстати, мне кажется, сейчас удобный момент, чтобы обсудить и данные геногеографии – которую я ранее к рассмотрению при решении этой проблемы не привлекал. Я подразумеваю здесь прежде всего результаты, полученные Б. А. Малярчуком (2009). Но, разумеется, не имею в виду ограничиваться ими, равно как и лишь этим аспектом проблемы – тут все на усмотрение участников дискуссии. Итак, процитирую: «Полученные генетические данные позволяют рассматривать псковско-новгородское русское население в качестве отдельной славянской группировки в составе современных восточных славян. Генетическое сходство псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки) свидетельствует о западных истоках генофонда северо-западных русских. В исторической литературе существует точка зрения о том, что Северная Русь была колонизирована так называемыми балтийскими славянами, населявшими Южную Прибалтику и Польское Поморье в эпоху раннего средневековья. … Полученные нами генетические данные вполне согласуются с этим сценарием и свидетельствуют о том, что следы былой дифференциации еще хранятся в генофонде современного русского населения» (Малярчук 2009: 26).

Здесь же лишь уточню, что формирование и новгород-псковского (по А. А. Зализняку; или древнепсковского, по С. Л. Николаеву), и восточноновгородского диалектов — несомненно следует отнести ко времени до середины IX века. Особенно это касается древнепсковского диалекта.

Однако, очевидное существование южнобалтийской Системы Приоритетного Взаимодействия в течение и второй половины I тыс. н. э. заставляет думать, что формирование новгород-псковского диалекта – все же результат не лишь единичного события (крупной миграции). Но и последующих, долговременных и реципрокных, интеракций новгород-псковского ареала и Юго-Запада Балтики.

И хотя южнобалтийские мигранты середины IX века двигались, несомненно, по уже «накатанной колее» (что, собственно, и стало, по всей видимости, основной причиной выбора ими именно этого направления миграции), но и они должны были оказать существенное влияние на окончательное оформление новгород-псковского диалекта.

Таким образом, как мне представляется, керамика все же именно является одним из весомейших аргументов в пользу южнобалтийской гипотезы.

6. **Варины, варязи и варяги: к происхождению термина «варяг».**

Следующий ключевой вопрос – вопрос о происхождении этнонима «варяг». Тем более, что мои предложения по этому вопросу тоже вызвали у Л. С. Клейна множество вопросов (Клейн 2014: 341).

Попробую на них ответить.

Начну с того, что, на мой взгляд, Е. А. Мельникова в специальном и чрезвычайно интересном исследовании получила выводы, которые (вопреки формулируемой ею гипотезе) отчетливо демонстрируют фундаментальную внутреннюю противоречивость попыток скандинавской этимологии этнонима *вэринг*.

Именно: имеет место «содержательный парадокс в соотношении “варяг/væringi”… это слово не встречается в древнескандинавских текстах до середины XI в., … с момента своего появления и далее оно обозначает не тех воинов и купцов, которые бывали на Руси, а исключительно скандинавских наемников в Византии» (Мельникова 1998: 159). И, в итоге Е. А. Мельникова, признавая «инородность и позднее происхождение древнескандинавского названия», приходит к выводу: «позднее формирование терминов варанг/вэринг в Византии и Скандинавии указывает на то, что он возник не в самой Скандинавии и не в Византии, а на Руси» (Мельникова 1998: 164).

В.М. Васнецов «Приезд варягов»

То есть, как я писал: «Получается, что скандинавы, известные восточным славянам уже более двухсот лет, вдруг получают от них новое название, восходящее к самоназванию небольшой, по определению эфемерной группы, сформированной по «профессиональному» принципу, с переменным составом участников. При этом для образования самоназвания эта группа использовала «архаичный и мало употребительный суффикс -ang». Группа быстро исчезает, сами скандинавы этот «специальный термин, узколокальный» не восприняли, но славяне все же экстраполировали его в качестве названия на всех скандинавов (и не только на них), и оно в кратчайшие сроки полностью вытеснило прежнее их обозначение» (Романчук 2013:

290).

На мой взгляд, это предельно неправдоподобное объяснение.

К тому же, здесь надо учесть еще один момент: этноним *варяг* — *Wareg*, известен и польскому языку (ЕСУМ 1: 335). И, авторы ЕСУМ как будто не считают его заимствованием из русского.

Если это так, то, как мне кажется, данный факт еще труднее примирить с предлагаемой Е. А. Мельниковой гипотезой.

Кроме того, фиксируются и польские топонимы Waręź и Waręźyn, а также топоним Warensin (XII век) у «лютичских чрезпенян» (Первольф 1877: 43). В словаре А. Брукнера польский топоним Waręźyn также упоминается – и выводится из реконструируемой формы **waręga*, в свою очередь возводимой к «нордическому» (скандинавскому?) *warang* (Brukner 1985: 616).

Правда, речь идет об единичных случаях (насколько я смог установить), и Waręź локализуется возле Львова (Сокальский район).

Но Waręźyn — расположен в Силезии.

Касательно же лютичского Warensin (если И. И. Первольф прав в своей этимологии) получается, что возникший на Руси (по Е. А. Мельниковой) термин использовался и на Юго-Западе Балтики, и не позднее начала XII века. Впрочем, напомню, что «производные от этнических названий «варин» и «вэринг» широко представлены в саксонских именах» (Кузьмин 2004: 580, там же ссылки).

И все это, конечно, еще добавляет неправдоподобности предложенному Е. А. Мельниковой объяснению.

Форма *варязи*, обычная в русских летописях наряду с *варягы*, представляет собой еще один, и крайне важный, аспект проблемы.

Дело в том, что *варяг, колбяг, буряг, шеляг, стяг* традиционно рассматриваются как более поздние заимствования из германских (скандинавских) языков. Вышеперечисленные заимствования не подпали, в отличие от *витязь, князь, колодязь, пенязь, склязь* (*стьлязь, щлязь*; то же, что *шеляг*) под действие т. н. «третьей (прогрессивной) палатализации».

> Вторая праславянская палатализация: «Вторая палатализация задненебных согласных – это процесс изменения твердых задненебных согласных [k], [g], [ch] в свистящие согласные [c], [z] (через стадию [ ]), [s] перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения … Действие второй палатализации задненебных было обусловлено тем, что после монофтонгизации дифтонга * , начинавшегося на гласный непереднего ряда, изменилась позиция для задненебных согласных: они вновь оказались перед гласными переднего ряда [i], [ ]. Поскольку действие тенденции к слоговому сингармонизму сохраняло актуальность, твердые задненебные должны были подвергнуться палатализации». Третья праславянская палатализация: «Третья палатализация задненебных согласных — это процесс изменения твердых задненебных согласных [k], [g], [ch] в мягкие (палатализованные) свистящие согласные [c'], [z'], [s'] под воздействием *предшествующих* гласных переднего ряда … Третья палатализация имеет особый характер, прогрессивный. В отличие от первой и второй палатализаций здесь процесс идет не под влиянием последующего гласного, а предыдущего. Поскольку в эту эпоху действовал закон открытых слогов, то мы имеем в данном случае межслоговое воздействие … Традиционно третья палатализация считается более поздним явлением. В пользу этого свидетельствует нерегулярность процесса, которая может быть объяснена кризисным состоянием фонетической системы в эпоху распада праславянского языка. Кроме этого, третья палатализация представляет собой новый этап – межслоговой аккомодации и межслогового сингармонизма, в отличие от специфики структуры слога, характерной для праславянского периода. Являясь прямым развитием актуальной для праславянского периода тенденции к слоговому сингармонизму, третья палатализация знаменует ее разрушение. На смену слоговому сингармонизму, когда действие фонетический изменений было строго ограничено границами слога, приходит межслоговое взаимодействие звуковых единиц, приводящее к размытости слоговых границ». Подробнее: http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/1/articles/1/2/5 См. также о третьей палатализации: Дыбо 2004.

Однако, появление формы *варязи* представляет собой проявление другой, т.н. «второй палатализации». И это любопытно, тем более что *варязи* – одно из немногих древнерусских существительных (и определительных местоимений), которые во множественном числе (Именительном падеже), демонстрируют в этой позиции рефлексы второй палатализации: *друзии* – 'другие' (ср. укр. *друг — друзі)*, этноним *корлязи* – и, как будто все. Нормальной являлась модель: нога – н*о*ги, рука – р*у*ки.

> Очень признателен И. В. Горофянюк за консультации по этому поводу.

Традиционно признается, что вторая палатализация предшествовала третьей (см. прим. 13). Но есть и точки зрения, полагающие их синхронными процессами или отдающие хронологический приоритет третьей палатализации. В частности, на основании изучения новгород-псковского диалекта А. А. Зализняк пришел к выводу, что при объяснении полученных им результатов «наиболее прямолинейная гипотеза состоит в том, что прогрессивная палатализация: а) предшествовала второй регрессивной …» (Зализняк 2004: 47).

В любом случае, если говорить о времени этих событий, то наиболее, пожалуй, общепринятая датировка второй и третьей палатализации – VI-IX века н. э. (Шевельов 2002: 77). Или: «обе названные палатализации прошли за короткий промежуток времени, самое позднее с V по X века, и рефлексы их совпадали прежде всего по этой причине» (Чекман 1979: 100). По мнению В. Н. Чекмана, «обе эти палатации не разделены во времени, а осуществлялись либо параллельно, либо одна за другой» (Чекман 1979: 106).

> В. Н. Чекман разделяет палатацию и палатализацию, и считает более адекватным обозначением праславянских палатализаций – 'палатации'.

Чем определяется эта датировка?

Выше (прим. 13) указывалось, что палатализации были обусловлены действовавшей до определенного времени в праславянском тенденцией к слоговому сингармонизму.

С другой стороны: «Вопрос о времени возникновения позиционной мягкости (палатализованности) согласных является одним из самых важных в исторической фонетике праславянского языка. Ранее был сделан вывод, что сам факт осуществления первой палатации свидетельствует об отсутствии позиционной палатализованности перед гласными переднего ряда в праславянском того периода» (Чекман 1979: 96).

И, далее: «анализ результатов третьей «палатализации» приводит к выводу, что особенности ее проявления в восточнославянских говорах могут объясняться появлением в них к этому времени палатализованных согласных» (Чекман 1979: 111).

В целом же, «позиционная палатализация согласных перед гласными переднего ряда распространялась в праславянских диалектах в течение второй половины I тысячелетия н. э.» (Чекман 1979: 112).

Иными словами, появление (и широкое употребление) формы *варязи* по всей видимости, свидетельствует, что термин *варяг* возник в восточнославянских диалектах еще до того, как соответствующие согласные в них стали способны к позиционной палатализованности – т.е., по крайней мере до конца I тысячелетия н. э.

Более того.

«Важнейшая особенность древнего новг.-пск. диалекта состоит в том, что в нем отсутствует эффект второй регрессивной палатализации заднеязычных; точнее, **k*, **g*, **x* в позиции перед *ě* и *i* здесь лишь смягчены (т. е. дали [k′], [g′], [x′]), но не перешли в свистящие» (Зализняк 2004: 44). Имела место «фонологизация (причем довольно ранняя) мягких *к.*, *г.*, *х.*: … в др.-новг. диалекте возможны сочетания согласных [k′], [g′], [x′] с последующими передними гласными [ê], [е], [и], не встречающиеся (если не считать книжных заимствований) в наддиалектном древнерусском» (Зализняк 2004: 38).

И, помимо того, «имеющиеся данные в принципе не исключают предположения о том, что в др.-новг. диалекте эффекта прогрессивной палатализации для **g* не было» (Зализняк 2004: 47).

При этом, отмечает А. А. Зализняк, слова *варяг, колбяг, буряг, стяг* относятся к числу «воспринятых несомненно в первую очередь новг.-пск. диалектом».

В свою очередь, Ю. Шевелев считал, что именно формы *склязь* и *стлязь* – характеризуют киево-полесский регион. Форма *шеляг, щьляг* же — для него чуждая (Шевельов 2002: 83).

> В украинском языке даже новейшие заимствования демонстрируют модель второй палатализации: *аптека – аптеці*, *універмаг – універмазі* (сообщение И. В. Горофянюк). Тогда как в современном русском языке произошло т. н. выравнивание, и «большинство форм склонения и спряжения, образовавшихся по II палатализации заднеязычных, было вытеснено»: др.-рус. *руце* – русск. *руке,* и т. д. (Дыбо 2004: 91-92). И, «в вост.-новг. зоне вторая палатализация тоже осуществилась, но, по-видимому, очень рано началось выравнивание основы, которое вело к постепенному устранению данного эффекта на стыке основы и окончания» (Зализняк 2004: 44).
> Применительно к третьей палатализации В. А. Дыбо склонен объяснять соответствующее выравнивание в русском языке не древними характерными особенностями разных праславянских диалектов (как предлагал С. Б. Бернштейн и

ряд других исследователей). А — «разным характером и разной интенсивностью, и даже разным направлением морфонологической языковой эволюции разных славянских языков в периоды, последовавшие после III палатализации» (Дыбо 2004: 91). Однако, даже не принимая во внимание результаты А. А. Зализняка, представляется правомерным предположить, что разница в эволюции различных славянских диалектов в период после второй и третьей палатализации во многом предопределялась и их предшествующей историей. Смотрите также: Чекман 1979: 104-107, 110.

Надо отметить, что М. Фасмер полагал *шеляг, щьляг* заимствованным через польское посредство (Фасмер 1987: 427). И, примечательно, именно *шеляг* мы видим в контексте сообщений летописей о хазарской дани с радимичей и вятичей (которых, напомню, летопись выводила как раз «от ляхов»).

Иными словами, можно предположить, что и по этой причине, принимая во внимание диалектные различия позднепраславянского периода, отсутствие следов третьей палатализации в *варяг, колбяг, буряг, стяг* — не следует рассматривать как свидетельство чрезмерно позднего их заимствования. А то, что форма *варязи* демонстрирует проявление второй палатализации – как раз именно такое предположение и подтверждает.

Таким образом, обобщая: форма *варязи,* по всей видимости, свидетельствует о все же достаточно раннем возникновении термина *варяг* – слишком раннем, полагаю, чтобы удовлетворять гипотезе Е. А. Мельниковой.

И это, конечно, служит еще одним контр-аргументом вдобавок к сформулированным в (Романчук 2013: 290).

Тем более, что уже с XII века термин *варяг* начинает вытесняться термином *немец* (в частности, в договорных грамотах Новгорода с Готландом (Кучкин 1966)). И, кстати, это именно в Новгородской четвертой летописи (в том числе) мы читаем: «избрашася от Немец три браты с роды своими, и пояша с собою дружину многу. И пришед старейшиною Рюрик седе в Новгороди …».

Но, что же предлагаю я сам по поводу происхождения этнонима *варяг*?

Как уже было сказано (Романчук 2013: 291), я полагаю, что этноним *vaering*, давший *варяг*, возник (по всей видимости, из более раннего *varang*) действительно на германской почве. Однако, учитывая и результаты Е. А. Мельниковой, возник он не в Скандинавии – а в иной части германского ареала.

Именно – на Юго-Западе Балтики, еще в дославянское время.

Соответственно, фиксируемый здесь этноним *varini*, рассматривается мной не как исходная форма для *варяг* (как традиционно пытались это объяснить сторонники южнобалтийской гипотезы). А (равно как и формы *vari, vagri, vaigri* и т.п.) – в качестве производного от *vaering*.

То есть, на мой взгляд: vaering дало *varin*, а затем из *varin* – возникли формы *vari* и пр.

Подтверждение такой интерпретации мы получаем, обращаясь к база данных этнонимов эпохи Великого переселения народов, приведенной в (Буданова 2000).

Во-первых, как следует из нее, этноним *варины* фиксируется в эту эпоху в виде ряда вариантов: «варны (лат. Varni, Warni) … *Carni, Garni, Gaiarni, Guarni, Granae, Varinnae, Varini, Varmi* …» (Буданова 2000: 178).

Во-вторых, мы видим, как этноним *гревтунги* регулярно фиксируется в формах на *-n* (и не только): *grotunni, grotoni, grutunci, gautuni, grotumpni, grotupni,* … (Буданова 2000: 207). Этноним *hrestringi* – как *grherstini* (Буданова 2000: 209). *Тюринги\туринги* – среди прочего, именуются и как *thorinci, turindi* (Буданова 2000: 381).

А франки – и как *frangi, franchi, franti* (Буданова 2000: 391).

По всей видимости, именно форма *frangi* была исходной (ср.: в древнефризском «наряду со знаком g употреблялись также сочетания gh, ch, например *thing/thingh/thinch* …» (Жлуктенко, Двухжилов 1984: 41)). В этой связи хотел бы задать вопрос: не связан ли и этноним *frangi, franci* своим происхождением с тем же самым *varang*? Учтем, что речь идет и фактически об одном и том же «участке» германского ареала.

Отмечу здесь и ветвь вандалов – *харинны* (прочие ветви вандалов – демонстрируют этнонимы на *-ing*).

Наконец, у нас есть и пример *тунгров* – обитавших между Шельдой и Маасом; среди вариантов их названий – *thoringi*

(Буданова 2000: 379). А также *ютунгов*, именуемых *jutungi, tutungri, tutuncri, tutuncii, vitungi, thiuntugi* и пр. (Буданова 2000: 415).

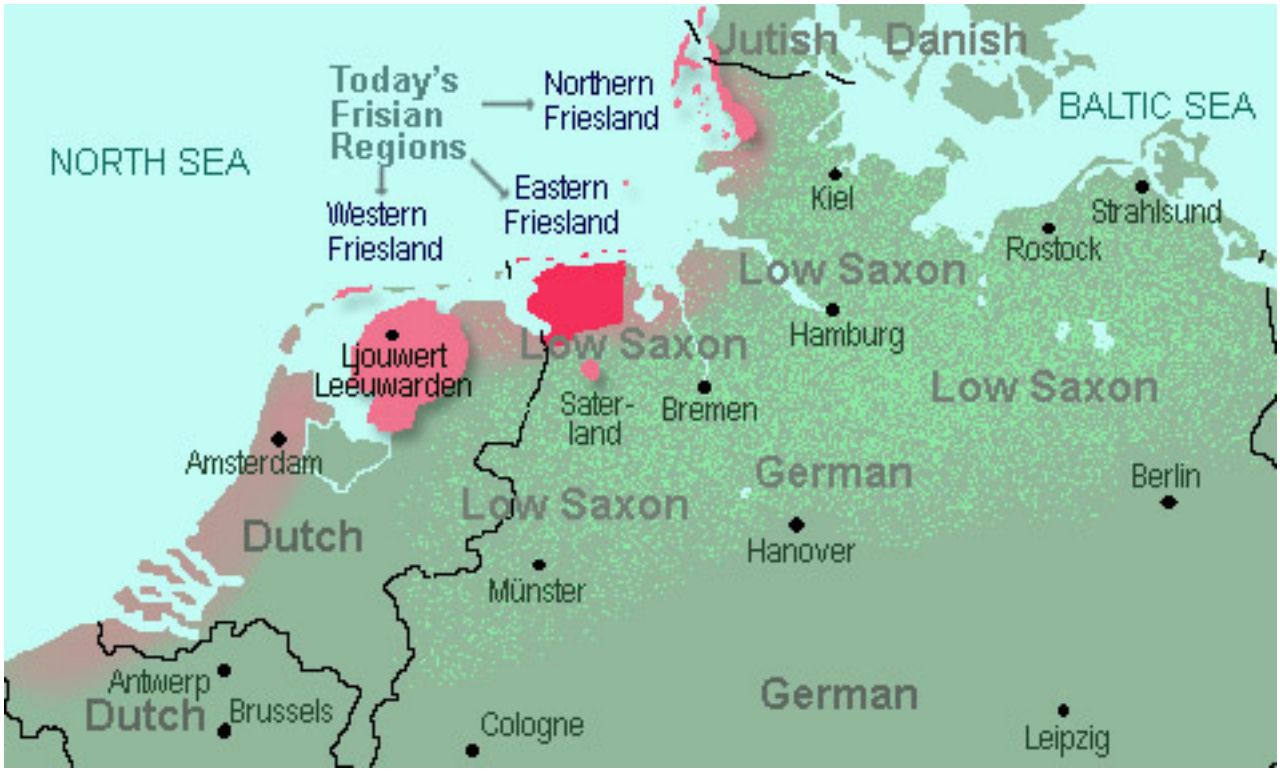
По всей видимости, это были не просто ошибки фиксации — за ними скрывалась и определенная закономерность.

> Вообще, надо заметить, что этнонимы на *-ing* – этнонимы преимущественно (почти исключительно) II-V вв. н. э.: *гревтунги, тервинги, ютунги, асдинги, силинги, лакринги, марвинги* и т.д. Их вообще немного, и ни до, ни после этого времени они почти не встречаются. Примечателен и ареал распространения этнонимов на *-ing*: в целом, это зона Южной Балтики, территория от ятвягов до Эльбы и тюрингов. Исключения – единичны (*тулинги* – Альпы, 1 век до н. э.). Если говорить о макроэтнической характеристике этнонимов на *-ing* – то это, фактически, почти исключительно восточные германцы – народы, вышедшие с Южной Балтики: готы (гревтунги, тервинги), вандалы (*асдинги, силинги, лакринги* (?)), герулы (турциклинги), видимо, руги (торкилинги). И — балты (ятвинги-*ятвяги*). Если верна предложенная мной гипотеза о западнобалтском происхождении *кулпингов-колбягов* (Романчук 2012: 346-349) – то сюда следует добавить и их. Итак, тоже вырисовывается определенная закономерность. Тем более, если учесть массовое распространение уже к западу от Эльбы (вернее, начиная с Ютландии) этнонимов с компонентом *-varii*: ампсиварии («герм. племя, в 1 в. н. э. обитали по берегам Рейна, к западу от р. Амисии, что нашло отражение в этимологии этнонима. В 4 в. н. э. о них упоминают как о части франков» (Буданова 2000: 136)), англеварии, байоварии\баварии («герм. племя в Богемии, а затем Норике»), хаттуарии (галловарии), ангриварии, амбиварии (кельтское племя в Галлии, область Лугдунум), виктуарии («одно из герм. племен, ветвь племени ютов»), и др. Единственное, кажется, исключение – упоминаемые Иорданом в устье Вислы видиварии. Но и они, видимо, результат импульса с запада. Рискну здесь предположить, что и этнонимы англов и ютов изначально были построены по модели на *-ing* – и затем трансформировались в модель на *-i* .

Выявление причин и механизмов реализации этой закономерности требует отдельного исследования. Но, во всяком случае, можно полагать, что искать их следует в тех изменениях, которые происходили в течение I тыс. н. э. в ингвеонских языках, а позже – в древнефризских, нижненемецких и датских диалектах. То есть – диалектах непосредственных соседей *варинов*, носители которых, по всей видимости выступали и посредниками при письменной фиксации этнонима *варины*.

Здесь же можно лишь предположить, что появление вариантов фиксации, в которых *-ng* заменялось *-n* (первоначально, видимо — *-nn*) определялось, с одной стороны, характерной для германских языков тенденцией (четко выраженной в большинстве современных германских языков): звук [g] после [ŋ] (то есть: и в окончаниях *-ing* и *-ang*) не произносится (Берков 2001: 238). С другой же – возможностью передачи звук [ŋ] на письме и знаком *n*, и *nn*.

Причем, к этому необходимо добавить, что мы здесь очевидно должны исходить из формы множественного числа, т.е., по всей видимости – vaeringen. Древнейшая же, представленная у Плиния Старшего, фиксация этнонима – *Varinnae.* И, на мой взгляд, эта форма фиксации как раз и представляет собой попытку достаточно близкой передачи исходного германского звучания.

Исчезновение конечного *n*, видимо, следует рассматривать в контексте того, что, например, существительные с основой на *-n* в древнефризском утратили основообразующий суффикс *-n*: «фризы» — Frēsa (Жлуктенко, Двухжилов 1984: 50). Ранние названия фризов демонстрируют его наличие – fresones, frisiones (Буданова 2000: 393). Впрочем, и кодифицированная во времена Карла Великого «Фризская Правда» именуется “Lex Frisionum”.

Отпадение в большинстве позиций конечного *-n* в безударных слогах имело место и в скандинавских языках (Берков 2001: 124).

Также, полагаю, здесь полезно привлечь в качестве аналогии и нидерландский язык (возник на основе прежде всего нижнефранкских диалектов); его «важная особенность – отпадение в разговорной речи конечного -n …» у существительных, прилагательных и глаголов (Берков 2001: 75).

Конечно, в данном случае мы говорим о современном нидерландском языке – но, как заметил В. Н. Чекман по другому поводу: зачастую «в историческую эпоху в отдельных уже группах славян как бы повторились события позднего праславянского …» (Чекман 1979: 110). И, мы знаем, что одна из поздних общегерманских инноваций – отпадение конечного /n/ в закорневом слоге (Кузьменко 2011: 66, 88).

Наконец, стоит обратить внимание на модель, предложенную «… для объяснения редукции флексий в английском языке, которая по Есперсену была предопределена сходством корней и несходством окончаний в древнеанглийском и скандинавском в эпоху датского завоевания Англии. Причем эти контакты предопределили даже не столько редукцию окончаний, сколько выделение корневой морфемы. Типологически сходный процесс выделения корня при контакте родственных языков со сходными корнями был характерен и для южнодатско-северофризско-нижненемецкой контактной зоны на юге Ютландии» (Кузьменко 2011: 43).

Что же касается средневековых уже вариаций в первом слоге (Wari, Waari, Waigri), то в том же древнефризском «гласный [a:] мог обозначаться также сочетаниями **ae, aa**» (Жлуктенко, Двухжилов 1984: 11). А «Дфриз. ā соответствует общегерманскому дифтонгу **ai** в открытом слоге, если последующий слог имеет закрытый гласный …» (Жлуктенко, Двухжилов 1984: 12).

Таким образом, полагаю, у нас есть возможность объяснить происхождение этнонима *варины* из *вэринги*. И, соответственно, связь этнонимов *варины* и *варяги*.

Но, разумеется, все это требует дальнейшего и детального уточнения.

7. **Индоевропейское *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-) – ‘красный’,* и происхождение этнонима *русь*.**

Наконец, в завершение не могу обойти вниманием вопрос о происхождении этнонима *русь*. И в силу его важности, и в силу некоторых оценок Л. С. Клейна по этому вопросу.

Итак, Л. С. Клейн пишет, что предлагаемая мной «гипотеза зиждется на … совершенно устарелых манипуляциях с этнонимом “русь”» (Клейн 2014: 335).

Однако, дав такую оценку моим аргументам и выводам в резюме своей статьи, далее в самом тексте Л. С. Клейн не представил ни единого доказательства в пользу этой оценки. И, по поводу моих аргументов, ограничился заявлением: «Я избавлю читателя от их анализа, потому что для решения вопроса о происхождении термина «Русь» этимология этнонима не имеет ни малейшего значения» (Клейн 2014: 341).

Прежде всего, думаю, что в научной дискуссии мы должны избегать оценочных суждений без сопровождения их аргументацией.

Не могу согласиться и с тем, что этимология этнонима *русь* – вопрос маловажный. Как уже было отмечено выше, «шведское» его происхождение – ключевой камень в здании норманнистской гипотезы.

Что же касается «устарелости» моей аргументации, то, во-первых, насколько я могу судить, предлагаемое мной решение серьезно отличается от всего того, что предлагала по этому поводу южнобалтийская гипотеза ранее. Равно как отличается и от идей О. Н. Трубачева, А. В. Назаренко и, как представляется, вообще известных мне исследователей, занимавшихся этим вопросом. Во-вторых, я учел новейшие на тот момент (насколько мне известно) работы К. А. Максимовича (2006) и В. С. Кулешова (2009). И, в своей работе я попытался и ответить на критику гипотезы К. А. Максимовича, высказанную В. С.

Кулешовым. И развить и усовершенствовать саму гипотезу К. А. Максимовича.

Насколько я прав в своих предложениях – судить, опять-таки, другим. Но в основе этих суждений очевидно должна лежать аргументация. Аргументация, учитывающая всю совокупность моих аргументов и решений в этом вопросе.

Итак, что же именно я предложил?

Здесь нет ни возможности, ни необходимости развернуть всю систему моих аргументов и выводов (Романчук 2013: 291-294; 2013а: 107-112; 2014а: 352, прим. 9).

Поэтому ограничусь главным.

Итак, я полагаю, что «этнонимы *руги, рутены, русь* могли возникнуть как различные формы одного общего этнонима, восходящего к "и.-е. группе *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)*" с основным значением 'красный'» (Романчук 2013: 294). Это следует и из семантики этих этнонимов (и ряда других; как, в частности лютичского племени редарей (Назаренко 2009: 309, прим. 36)). И вполне соответствует наблюдаемой ситуации наличия сходных или тождественных этнонимов в разных концах индоевропейского мира – которая должна объясняться согласно предложенной ранее модели (Хабургаев 1979: 210; Романчук 2010).

То есть, во-первых, в отличие от предыдущих представлений южнобалтийской гипотезы, предлагается, что этноним *русь* не следует пытаться выводить напрямую ни из этнонима *руги*, ни *рутены*. Во-вторых, при бесспорном факте существования «прасл. **rus-* 'красный'» (Васильев 2005: 153), формирование этнонима и гидронима *русь* следует объяснять на уровне не праславянском (как предлагал К. А. Максимович), а более древнем – балто-славянском, или даже индоевропейском. То есть, имея в виду существование некоего индоевропейского диалекта в этой части Восточной Европы, отличного от балто-славянского и более раннего; оно давно предполагается исследователями. И, по всей видимости, проявляющего себя и в факте существования маркирующей этот регион (как показал еще Г. А. Хабургаев) этнонимической модели на *–ь* – при том, что эта модель объединяет ряд как финских, так и балтских народов (и даже скандинавских – *донь\даны*).

> В южном направлении регион модели на *-ь* изначально также распространялся много больше, чем это учитывал Г. А. Хабургаев. Это очевидно следует не только из этнонима *голядь* но и гидронима *Рось*. А также – и гидронима Семь \ Сейм (Фасмер 1987: 600).

В-третьих, существенным я полагаю также то, что очевидно имело место весьма древнее семантическое сближение и.-е. **rughi 'рожь'* - и «и.-е. группы *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)*». Причем между различными производными этих двух корней имели место многочисленные проявления транссемантизации.

> В этом же контексте хочу обратить внимание на семантику старого названия Нарвы – Ругодив. Как показал М. Фасмер (1987: 513), оно восходит к финно-угорскому (приб.-финск.?) Rukotivo – «дух-покровитель ржи». И, в латышской мифологии фиксируется Рунгис, или Рудзу Рунгитис («ржаной Рунгис») — дух-покровитель зерна (МНМ 2: 390). Учтем здесь и южнобалтийского Ругевита – бога войны у руян; в святилище Коренице на юге Рюгена именно храм Ругевита считался главным (МНМ 2: 389). Все это позволяет заключить, как мне кажется, о характерном для Южной Балтики древнем (предположительно – восходящем к тому самому индоевропейскому субстрату) культе ржи – и притом его очевидной связи на Рюгене с кровью и войной. То есть, это еще одно из проявлений того феномена транссемантизации, на который в связи с проблемой этимологии этнонима *русь* я обратил внимание (см. также по поводу связи Буян-Руян (Романчук 2013а: 112, прим. 61)).

А, соответственно, этнонимы *руги*, *русь* и *рутены* и с этой точки зрения связаны куда сильнее, нежели это представлялось ранее.

Вот, вкратце, суть моих предложений по поводу этимологии этнонима *русь*.

Заключение.

Подводя итоги, буду краток.

Итак, я надеюсь, мне удалось показать, что норманистам и анти-норманистам есть что обсуждать.

И, как я уже сказал: в центре полемики стоят действительно фундаментальные вопросы – ответ на которые критически

необходим. Необходим, для того, чтобы исторической науке разобраться: что же именно происходило на обширных пространствах Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. Хотим мы или не хотим, мы будем и далее себя спрашивать: кто же такие варяги, и откуда пошла Русь?

И ответы неизбежно будут различаться – в том числе в силу сложности самих вопросов.

Но сложность этих вопросов не означает, что мы можем позволить себе пытаться на них не отвечать. И тем более, закрывать дискуссию в одностороннем порядке – будь-то со стороны норманистов, или же анти-норманистов.

Равно как и со стороны позиции, выраженной С. В. Томсинским.

Впрочем, сложно вообще представить, как последнее вообще возможно. Не можем же мы запретить норманистам и анти-норманистам выражать свою позицию. И уж тем более – думать.

Поэтому, единственный вариант разумной стратегии, который я здесь вижу – это «цивилизовать» эту дискуссию, систематически вводить ее в научные рамки. И добиваться (терпеливо и последовательно) того, чтобы стороны не игнорировали аргументы друг друга, не «замалчивали» их — с упорством, достойным лучшего применения, «не удостаивая их даже опровержения, даже простой цитаты» (В. О. Ключевский).

И, вступая в дискуссию — отвечали по существу.

Литература:

Балановская и др. 2011: Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г., Баранова Е. Е., Ромашкина М. Е., Агджоян А. Т., Балаганский А. Г., Евсеева Е. В., Виллемс Р., Балановский О. П.. 2011. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? *Вестник Московского университета. Серия XXIII АНТРОПОЛОГИЯ, (3)*: 27–58.

Берков В. П. 2001. Современные германские языки. Москва: АСТ.

Буданова В. П. 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. Москва: Наука.

Васильев В. Л. 2005. *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*. Великий Новгород: НовГУ.

Гильфердинг А. Ф. 1855. Исторія балтійскихъ славянъ. Т.1. Москва: Типографія В. Готье.

Горюнова В. М., Плохов А. В. 2011. Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX-X вв. по керамическим материалам. *Археологические вести 17*, 259-280.

Грот Л. П. 2015. О летописных урманах и о титуле «князь урманский». *Исторический формат, 2*: 29-53.

Губарев О. Л. 2015. Никакого норманнизма в истории нет и не было. https://www.academia.edu/10576736/ Дата посещения: 10.10.2015.

Джаксон Т. Н. 2008. Рюриковичи и Скандинавия. В: Бибиков М. В., Мельникова Е. А., Назаров В. Д. (отв. ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы. 2005*. Москва: Индрик, 203-227.

Дыбо В. А. 2004. В защиту некоторых забытых или отвергнутых положений сравнительно-исторической фонетики славянских языков. В: *Славянский вестник, вып. 2*. Москва: Макс-Пресс, с. 83-110.

ЕСУМ 1: *Етимологічний словник української мови*. 1987. / Гл. ред. О. С. Мельничук. Т.1. Київ: Наукова Думка.

Жлуктенко Ю. А., Двухжилов А. В. 1984. *Фризский язык*. Киев: Наукова думка.

Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянских культур.

Казанский М. М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus, 4*: 17-127.

Клейн Л. С. 2014. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора**.** *Stratum plus, 5: 335-343.*

Ключевский В. О. 1983. Рецензия на книгу М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига». В: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. Москва: Наука.

Кузьменко Ю. К. 2011. *Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Кузьмин А. Г. 2004. **О**б этнической природе варягов (к постановке проблемы). В**:** Гедеонов С.А. *Варяги и Русь*. Москва: Русская панорама, 576-620.

Кулешов В. С 2009. К оценке достоверности этимологий слова русь. *Труды Государственного Эрмитажа 49*, с. 441-459.

Кучкин В. А. 1966. О древнейших смоленских грамотах. *История СССР, 2*: 103-115.

Макаев Э. А. 2002. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ).Москва: Едиториал УРСС.

Максимович К. А. 2006. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников. В: Грацианский М. В., Кузенков В. П. (отв. ред.). *ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова*. Москва: Изд-во ПСТГУ, с. 14—56.

Малярчук Б. А. 2009. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы. *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия), 1(1)*: 23-27.

Мельникова Е. А. 1998. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии. *Византийский временник, т. 55 (80), ч.2,* Москва: Наука, с. 159 – 164.

Мельникова Е. А. 2001. *Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации*. Москва: Восточная литература РАН.

Мельникова Е. А. 2005. Олгъ / Ольгъ / Олег <Helgi> Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя. В: *Ad fontem – У источника. Сб. ст. в честь С.М.Каштанова*. Москва, с. 138–146.

Меркулов В. И. 2011. Начало Руси и мекленбургские генеалогии. http://pereformat.ru/2011/08/nachalo-rusi-i-meklenburgskie-genealogii/ Дата посещения: 10.10.2015.

Меркулов В. И. 2015. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна

Фридриха Хемница. *Исторический формат, 2*: 54-74.

МНМ 2: Токарев С. А. (отв. ред.). *Мифы народов мира*: в 2-т. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия.

Назаренко А. В. 2009. *Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования)*. Москва: РФСОН.

Николаев С. Л. 2012. Семь ответов на варяжский вопрос. В: Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. Ил. М. М. Мечева. СПб.: Вита Нова, с. 398-430.

Пауль А. 2015. Древняя Англия: к вопросу о судьбе остатков племени англов в Ютландии в средневековье. *Исторический формат, 2*: 140-175.

Пауль А. 2015a. Lex Angl iorum. К вопросу о первой Английской марке Франкской империи. *Исторический формат, 3*: 25-51.

Первольф И. В. 1877. Варяги-Русь и Балтийские Славяне. Ж*урнал Министерства Народного Просвещения, июль*, с. 37-97.

Романчук А. А. 2010. Deep history этнонима фракийцы. *Stratum plus, 3:* 131-136.

Романчук А. А. 2012. Российский Археологический Ежегодник: новая «площадка для дискуссий» в российской археологии. *Stratum plus,4:* 341-352.

Романчук А. А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus, 5:* 283-299.

Романчук А. А. 2013a. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Вестник КИГИТ, 36 (6*): 73-131.

Романчук А. А. 2013b. Перепутье: своевременные мысли Александра Стурдзы. https://www.academia.edu/5605373/

Романчук А. А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте: взгляд археолога**.** В: Гриценко П. Е. (ред.). *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, с. 401-405.

Романчук 2014a. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии**.** *Stratum plus, 5: 345-356.*

Романчук А. А. 2015. Восточноевразийская гипотеза дене-кавказской прародины: еще раз к вопросу о гаплогруппах Y-хромосомы. Кишинев: Stratum plus.

Романчук, в печати. Молдавский «эксперимент»: шесть лет Молдовы под управлением Запада (2009-2015)**.** https://www.academia.edu/15513387/

Санкина С. Л. 2000. *Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Тарасов В. В. 2010. «Росские» названия днепровских порогов и топонимика Юго-Восточной Балтии. *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 12, 58—63.*

Томсинский С. В. 2014. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги. С. 357-370.Petersen L. 2001.

Трубачев О. Н. 2005. Заметки по этимологии и ономастике (на материале балто-германских отношений). В: Трубачев О. Н. *Труды по этимологии: Слово. История. Культура*. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, с. 11-19.

Фасмер М. 1986. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва: Прогресс.

Фасмер М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Москва: Прогресс.

Фасмер М. 1987a. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва: Прогресс

Хабургаев Г. А. 1979. *Этнонимия «Повести Временных лет»*. Москва: Изд. Моск. Ун-та.

Чекман В. Н. 1979. *Исследования по исторической фонетике праславянского языка: типология и реконструкция*. Минск: Наука и техника.

Шувалов П. В. 2004. Pelles sappherinae и восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V-VI вв. В: Д. А. Мачинский (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Спб: Нестор-История, 73-108.

Шевельов Ю. 2002. *Історична фонологія української мови*. Харків: Акта.

Brukner A. 1985. *Slownik etymologiczny jezyka polskiego*. Warszawa: Weidza Powszechna.

Peterson L. 2007: *Nordiskt runnamnslexikon*. Uppsala: Institutet för språk och folkminnen.